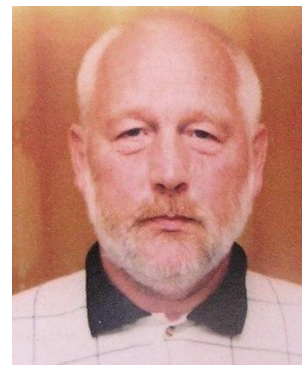

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

СВОЙ ПУТЬ, ИЛИ НЕ ВСЕ ИДУТ В НОГУ?

К вопросу об истоках русофобии

... Можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.). Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая славянская из всех... потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиваться дальше – многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатам, ни Западу, ни Востоку.

Константин Леонтьев «Письма о восточных делах»

◆ Мы намеренно заменили в эпиграфе многоточием, то есть пропустили, слова Леонтьева «Не потому только, что она призвана стать политически во главе (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.) славян». Ибо это было неверным как во времена Леонтьева (1831–1891, даты его жизни), так тем более сейчас.

Даже в советскую эпоху, когда *все* славянские народы мира в рамках их государственности, даже кашубы и лужичане на территории ГДР, входили в созданный и возглавляемый СССР социалистический блок стран. Ибо сложность отношений с Югославией, прямые антисоветские выступления в Чехословакии и Польше, а тем более мгновенный распад этого блока на рубеже 80–90-х годов, наглядно показывают определенную искусственность, основанную на праве победителя в Третьей мировой войне, но никак не историческую органичность такого «политического главенства»... Безусловно прав был Д.С. Мережковский: «*Леонтьев – глубокий мыслитель и никуда не годный политик*» (в очерке «Страшное дитя»).

Таким образом, в определении таким провидцем, каким был Константин Леонтьев – страшным дитем по Д.С. Мережковскому, самым «неудобным» (для всех!) русским мыслителем, и себя называвшим «реакционным консерватором», – пресловутой русскости, своего пути и пр. остается эта самая загадочная «неславянская славянскость», с ходу не прочитываемая, требующая напряженности мысли для осознания. Это ведь не сугубая конкретность Фридриха Энгельса (или Маркса?.. нет, вроде как Энгельса), определившего с немецкой понятийной дотошностью сущность современного ему чешского этноса: славянские немцы. И даже столь же осознанно понимаемая религиозная причина разобщенности славянских народов, навроде разделения единого южнославянского этноса на православных сербов, католиков-хорватов и принявших мусульманство боснийцев. Во всем остальном, кроме верований, это единый по крови и языку* народ. Но как же это религиозное разъединение изменило их характеры, душу, социумную специфику? – Трагическая история распада, вернее – разрушения Югославии, превращение некогда сильной, самодостаточной страны СФРЮ (одна из восьми стран мира, строившая подводные лодки!) в лимитрофные удельные княжества, еще не потускнела в

* Тот факт, что во времена Югославии Иосина Броз Тито (кстати, хорвата) наличествовали в Сербии сербско-хорватский, а в Хорватии хорватско-сербский языки, отличавшиеся лишь алфавитами, кириллицей и латиницей, соответственно, есть сугубо политический момент...

памяти нынешних среднестарших поколений, не говоря уже о старших. То есть можно прямой ответ на стихотворный вопрос Ф.И. Тютчева:

Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море.

И ропщет мыслящий тростник?

Мыслящий тростник – этот образ взят Тютчевым у Паскаля (слаб как тростник, но мыслит!). В этой строфе Федор Иванович подразумевает разлад и противоречие человеческого сознания и стихийности бессознательной природы. Но ведь и социальная эволюция, при всей ее априорности диалектики Гегеля и движению Истории по Фейербаху, для мышления конкретного человека и в период его разумной жизни воспринимается неожиданной-негаданной стихийностью? Завтрашний ответ на сегодняшней вопрос для него не предугадан.

Другое дело, когда рассуждается, условно повернув стрелу времени (И Пригожина) вспять, о делах прошедших, пробуя отыскать корни и движущую силу того же своего пути России, расшифровать эвфемизм *русскости* и леонтьевской *неславянской славянкости*. Рассуждая о прошлом в Истории, непременно отыскивают своего рода «временные реперы», то есть характерные отметины прошедшего. Так и в ретроспективном взгляде на русское прошлое, прошедшее тысячелетие с гаком, где гак можно и в полтора десятка лет оценить, исходя от фактологии памятника в Новгороде Великом, но и лишку поболее прихватить.

Для нашей истории русскости и своего пути эти временные реперы следующие: «щит на вратах Цареграда»; растянувшийся на сто лет, от Куликовской битвы до Стояния на Угре ; растянувшийся на сто лет, от Куликовской битвы до Стояния на Угре (войск хана Ахмета и Ивана III), знаковый период создания государства Московской Руси; создание Московского царства Ивана IV; «Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать» – апофеоз царствования Алексея Михайловича (Тишайшего); Отечественная война 1812-го

года с его «народной дубиной» («Война и мир»); тост Сталина на приеме советских военачальников в 1945 году о русском народе. Повторимся: отмечены именно реперы русскости, а не социально-политические, военные и пр. Тем более, что некоторые из них прямо подпадают под определение Н.С. Лескова из «Запечатленного ангела», а именно: «— Ну, а у нас, — говорю, — верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера насадка под кротивой вывела».

Итак, завершая несколько внешне сумбурное (что, собственно, также является художественным приемом, поскольку здесь пишется литературно-публицистический очерк...) введение, оговоримся: это не *summa summarum* воззрений «на русскость» того же Леонтьева, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Г.П. Данилевского, даже столь близкие нам Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского. При всем почтении к славянофилам, особенно А.С. Хомякову, Ю.Ф. Самарину, братьям Киреевским и братьям же Аксаковым (Хомяков и Киреевские вовсе тульские земляки), в наше время их акценты на существо вопроса существенно смещены...

Конечно, человеку свойственно стремление если не всю Америку, то хоть часть ее, например, какой-нибудь крошечный штат на атлантическом побережье «открыть». Но всегда следует держать под контролем девятый вал исторического фантазирования, особенно если пишешь на столь неоднозначно определенную тему. Все же не удержимся и приведем еще два базовых определения Константина Леонтьева (*op.cit*):

<a> «Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской, провинции, обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин» (увы, окраин этих мы лишились...).

<б> «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев или даже вовсе никого (выд. нами. – А.Я.), чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, несравненно больше (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.) склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов».

Итак, к неславянской славянскости...

♦ *Русофобия – это не антитеза русскости.* Акцент на таком утверждении ставим по той причине, что именно сейчас, в связи с известными событиями, наблюдаем крупнейшее в истории России ее противостояние с Западом, то есть всей Европой (кроме Европейской части России) плюс Соединенные штаты с их сателлитами в остальных частях света. Крупнейшее – ибо и ранее противостояние России с Западом имели место быть.

Самое раннее, но и наиболее длительное, в несколько веков, перманентно меняющиеся идеологические, политические и военные фазы, противостояние – это натиск католицизма на Русь – Россию, как оплота православия: «Первый Рим против Третьего», говоря образно и иносказательно. Именно это противостояние с религиозным базисом, с одной стороны, выявило понятие русскости в ассоциации с ортодоксальным (в западных языках православие именуется как *ortodox*), византийского корня православием. Но собственно понятие русофобии тогда не существовало, ибо в религиозном натиске Запада борьба шла не за «тело», то есть национальность, а за «душу» - вероисповедание. Во всяком случае такой девиз осенял хоругви крестоносцев и других легатов папства – объединенного католического (до Лютера и Кальвина) Запада.

После превращения Улуса Джугиева, как именовалась Древняя Русь в составе Золотой Орды, в Великое княжество московское, далее в Русское царство, сколь-либо выраженного противостояния объединенного Запада и

России не было. Да и сам Запад в эти столетия вошел в эпоху внутренних раздоров. А если и шла бесконечная война с поляками, то это, говоря словами Пушкина, был старый спор славян между собою: верного росса и кичливого ляха («Клеветникам России»). Того же рода и источника ливонские войны – за обретение древних своих балтийских земель. Наконец, при втором Романове с его концепцией Третьего Рима Россия и вовсе отъединилась от Запада, замкнувшись на своих пределах, благо там было чем заняться. Самодостаточность, автаркия – вот великий антиглобалистский, как бы сейчас сказали, пример существования России без Запада, что оставил нам в назидательную память царь Алексей Михайлович. Соответственно православная русскость возобладало как понятие государственное, неотъемлемое от социального устройства России. Именно тогда само понятие национальности, то есть русскости, было ассоциировано с религиозной принадлежностью: русский ≡ православный. Все иные в царстве именовались, впрочем уважительно, *инославными*, без какого-либо акцента на национальную принадлежность. То же самое объединяющее: на Западе – все немцы, а за Волгой все наши подданные – татары, а «на Москве» крещеные татары.

Понятия же русофобии в период XV–XVIII веков *не существовало* по определению (см. выше). Когда у каждого народа свой бог (религия с ее моралью и нравственностью), то он также если и не уважает, но понимает необходимость самостности любого народа – со своим богом. Это прекрасно выразил Ф.М. Достоевский словами «антиглобалиста» Шатова из «Бесов»: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

... Обычные упреки в адрес Петра Первого: провозвестник интернационализма-глобализма для России, разрушитель благолепного «Третьего Рима» своего отца, обезглавил Русскую православную церковь заменой патриарха синодальной канцелярией и пр. и пр. – малосостоятельны в плане историче-

ском, социально-эволюционном. Если его современник, французский король Людовик XIV утверждал, что «государство – это я», а последующий Людовик «под номером XV» и вовсе заявил, что *apres moi le deluge* (после меня хоть потоп), то все действия Петра Первого сугубо по своему содержанию и целям национальны. Хотя бы сам он носил голландский кафтан, дворянам велел сбрить бороды, на ассамблеях пить немерено водку и курить табак. Какая там русофобия?

И весь последующий восемнадцатый «век императриц» как-то без особых противостояний прошел. Конечно, войны постоянно имели место быть, но так, почти «домашние» (по определению Достоевского; см. далее): извечные с турками, победоносная – при Елизавете – с Пруссией. Однако в последней трети XVIII века прозвучали два тревожных звоночка – в дальнейшем предвидении явления европейской русофобии. Первый – отзвук активного участия России в разделе Польши. Тем самым, от многовекового, давнего «спора славян между собою», то есть противостояния *без ненависти*, Екатериной, царицей по-немецки осмотрительной и дальновидной, был совершен опрометчивый переход к локальной предрусофобии, то есть генофенотипической *ненависти* поляков к России: именно к России, но пока еще не к русским...

Более тревожным явился другой «звонок»: втягивание России, в таком масштабе впервые в ее истории, во *всеевропейское* военно-политическое противостояние, то есть в активное участие в наполеоновских войнах, начиная с кампании 1799 (блестящий анализ ее военной части дан Клаузевицем, офицером попеременно прусской и русской службы, в работе «1799 год»). В отличие от предыдущих «домашних» войн, отныне Россия становится пушечным мясом Европы, на которую «цивилизованные» европейцы возлагают бранные тяготы и ответную ненависть – источник грядущей русофобии – народов, которые Европа руками России решила усмотреть.

Как говорится, «классика жанра» – решения такой двудеиной задачи была опробована в окончательных наполеоновских войнах 1812–1815 годов, про-

должна в разгроме европейских революций и восстаний 1848 года, а апофеоз – Первая мировая (империалистическая) война. В 1813 году после полного изгнания Наполеона из России (армия либо полегла в землю, либо же была разбрана провинциальными помещиками в повара, учителя и скоморохи), мудрейший Михайло Илларионович советовал Александру Первому остановиться: более корсиканец к нам не полезет, а будет до скончания (своего) века биться с англичанами и австрияками. Но очень уж захотелось «властителю слабому и лукавому» въехать на белом коне в Париж, как Цезарь въезжал в этот же город, только с другим названием: Лютеция.

Прямое (одно из многих, пагубных для России) следствие такого триумфа на коне – официальное закрепление на Венском конгрессе, *праобразе* (именно *пра!*) некоей *ЕвроООН*, за Россией обязанности *жандарма Европы*. И если вхождение русской армии в Париж не то что не вызвало ненависти к русским, но в чем-то даже восхитило, то вот разгром в 1848 году по наущению Австрии восставшей Венгрии – это обретение если не вечного, как Польша, но все же многолетнего врага (обе мировые войны XX века – отголосок такой враждебности). Вспомните, как старуха Изергиль у молодого еще (1895 год) Горького упрекает русского собеседника, зачем вы мадяров-то жестоко так побили? То есть, спустя полвека, даже цыганка таборная помнит о несправедливости русских, то как же это в памяти венгров отложилось!

В Первую мировую войну Россию уже просто заставили вступить пушечным мясом Антанты, заплатив французскими займами банкира Ротшильда. Однако сам сценарий втягивания был разработан до мелочей ситуаций: русско-японская война, революция 1905-го года, финансовые вливания в русскую военную промышленность, либерализация (конституирование? – термин с намеком...) самодержавия и пр. и пр. – все было просчитано, учтено, санкционировано и спровоцировано.

◆ Уже с конца XVIII века выступает и главная организующая антироссийская сила: *англичанка подгадила* – обязательно остановится взгляд на этих словах при чтении русской классики второй половины XIX века. Как и дру-

гие устойчивые (смысловые) словосочетания, например, «бостонское чаепитие», «буря в викторианской чашке чая» (пожалуй, чай – единственное, что объединяет Россию с Англией...), они во многом определяли политику Британии в отношении России, временами агрессивно активную. Во всяком случае, смерть трех русских императоров, Павла Первого и обоих Николаев, – прямое дело рук, в смысле указаний, *англичанки*. Кратко напомним общеизвестное. Павел принял наивыгоднейшее для России решение вместе с Наполеоном изолировать Англию от европейской политики, экономики и пр., демонстративно направив в сторону Индии экспедиционный корпус из двадцати казачьих полков. Приговор *англичанки* не заставил себя ждать. Более того, убийство Павла I было обставлено с косвенным участием его сына Александра Павловича, что дало возможность английской политике «держатъ кукиш за пазухой» в отношении Александра Первого: отцеубийство – смертный грех, тем самым влияя на курс политики России...

Свержение последнего русского царя, за которым последовал и расстрел императорской семьи, что, конечно, само собой подразумевалось (*англичанка* все делает чужими руками!), имело основанием удержать союзника на фронтах предотвращением в России революции... вышло все наоборот: один из немногих в истории Англии крупных политических провалов. Что ж, и на старуху (здесь не королевы Виктория и Елизавета Вторая имеются в виду...) бывает проруха.

А вот явно преждевременная кончина Николая I, «рыцаря самодержавия», как следствие ответственности за позор Крымской войны, знаковый момент: впервые Англия в столь явной форме, неприкрыто и с целеуказанием на будущее выступила в качестве организатора *пра*НАТО с обозначением главного врага Европы – России. Тогдашняя объединенная Европа в лице Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства* образцово-

* Замечено, что народ посмеивается, когда узнает, что Сардинское королевство участвовало в Крымской войне; дескать, моська к европейским слонам пристала... Но ведь это только название? Остров Сардиния всего лишь составная часть Сардинского королевства – другое название Пьемонт, то есть это область на северо-западе Италии с центром Туринном – основа будущей объединенной Италии. Резюме: Италия де-факто против России тогда воевала.

показательно наказала Россию за ее попытку ущемить британские интересы: русский флот на Черном море понимался всеми европейцами как оперативно действующий в Средиземном море. Разумеется и Турция здесь имела вроде как даже больший интерес... но в XIX веке, во второй его половине, с этими интересами «больного человека Европы» особенно никто не считался. Главное – *англичанку* обидела Российская империя. Отсюда, «в поддержку» южного фронта войны с Россией, и демонстративные обстрелы с угрозами высадки десантов с кораблей английских эскадр на остальных трех «румбах»: Кронштадт на западе, беломорские Соловецкие острова и мурманская Кола (полностью разрушена и сожжена, в том числе уникальный деревянный 19-главый Воскресенский собор XVII века) на севере и дальневосточный Петропавловск Камчатский. Почти глобально *англичанка* подошла к наказанию России!

Что уж здесь говорить о двадцатом веке и вплоть до нынешних дней? – Все ясно, разобрано по деталям, а сейчас и вовсе на глазах наших; но об этом дальше будет сказано.

Теперь от исторических иллюстраций перейдем к обоснованию выдвинутого выше определения: *руссофобия – это не антитеза русскости*, предположив ему два главных вывода в части агрессивной устремленности Европы в отношении России (при великих князьях, царях, императорах, генсеках и президентах – все едино), сделанных... величайшим провидцем Ф.М. Достоевским. Не в бровь, но в глаз!

<в> *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», – завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год).

<г> *«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские пле-*

мена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» («Дневник писателя» за 1877 год).

И еще уточним семантику слова «русофобия». Собственно *фобия* (от греч. *phobos* – страх, боязнь) суть вторая часть сложных слов, имеющих значения нетерпимости или боязни. В части семантики использование слова «русофобия» следует различать в зависимости от стороны использования:

– на Западе это сочетание: нетерпимость + боязнь, причем нетерпимость в смысле неприятия;

– в России полагается, что термин «русофобия» используется на Западе в контексте: боязнь + равнодушие к России, а собственно равнодушие Запада это есть несколько гуманизированная форма понятия *untermensch* (от Ницше до Геббельса).

... Так полагают *они* и так думаем *мы*. Среди знаковых персонажей произведений Ф.М. Достоевского значится и такой, что сродни нашей нынешней пятой (лучше сказать – шестой) идеологической колонне. Федор Михайлович так его определил («Подросток»): «Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благодарного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества».

Таковы три трактовки русофобии: западная, наша в рефлексии воспринимаемого нами Запада и, так сказать, отечественная ренегатская – идеологической пятой-шестой колонны. То есть понятие русофобии является эвфемизмом в широком, неоднозначном трактовании. В то же время это не субъективность, но объективный подход с позиций противостоящих сторон.

С позиции эволюционной эпистемологии (*ἐπιστήμη* – знание, то есть теории познания), то есть философского учения, наиболее адекватного описывающего сущность социальной эволюции (К.Р. Поппер и др. – с опорой на диалектику метафизики И. Канта...), источник русофобии, трактуемой в контексте противостояния Россия – Запад (Европа + внеевропейский англосак-

сонский, правильное – англоязычный, мир), объясняется разделением ветвей социальной эволюции. Это как в биоэволюции живой мир Земли, пройдя начальный путь предживых вирусов, на этапе одноклеточных разделился на две ветви: фауну и флору. Поскольку же природа экономна в части используемых ходов (принцип эволюционной экономии), то, аналогично общей биоэволюции, и ее составляющая – эволюция <человека> претерпела такое же разделение: западная и евразийско-русская цивилизации. Первым такое разделение обозначил выдающийся социальный философ современности А.А. Зиновьев.

◆ Обобщенно западную ветвь социальной эволюции можно характеризовать как индивидуалистическую частнособственническую, а евразийско-русскую как общинно-социалистическую. Как любой другой эволюционный процесс, таковое разделение отправной точкой имеет само начало социальной эволюции, относимое к возникновению цивилизации и культуры, каковая эпоха насчитывает порядка десяти тысяч лет. Возрастная по замедленному эволюционному закону, эволюционный процесс в апофеозе переходит в резко возрастающую гиперболу: эффект мгновенного сжатия исторического времени. Таким апофеозом в разделении путей социальной эволюции явился XX век с образованием СССР, а далее мировой системы социализма. Тот факт, что СССР потерпел поражение в Третьей (холодной, информационной и пр.) мировой войне говорит только о том, что это был пробный, опережающий ход социальной эволюции. Ведь и европейский капитализм не сразу одолел феодализм? – Метод возвратно-поступательных ходов.

В более распространенной терминологии западная ветвь суть «золотой миллиард», а евразийско-русская ветвь есть форпост всего остального мира: хотя бы (сейчас) и в форме ориентира в *протесте* против западной капитало-кратии.

Опять же, исходя из фундаментального принципа эволюционной экономии <номенклатуры ходов>* : если разделение живого мира имело <эволюци-

* Это как Резерфорд предположил планетарную модель атома, исходя из строения Вселенной...

онной> целью создание в рамках в его ареале пищевой пирамиды: фауна кормится флорой, а последняя субстанциями неживой природы, да еще создает и поддерживает окислительную атмосферу, то разделение ветвей в социальной эволюции лучше Ф.М. Достоевского еще никто не определил: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, впрочем, и будут работать»* (изложение в «Бесах» сути трактата Шигалева; отсюда и термин «шигалевщина» в русской социально-политической публицистике).

Итак: по вполне обусловленной аналогии с разделением в биоэволюции живого мира на пищевую пирамиду: «фауна питается флорой», в социальной эволюции <человека> разделение на «золотой миллиард» и весь остальной мир («девять десятых») также подразумевает существование первого трудами второго. Это азы современной политэкономии.

Во главе «золотого миллиарда» – по мере его вычленения – стояла Англия, а ныне порожденная его Америка, а в совокупности – англоязычный мир. Такое главенство есть не случайный выбор Истории (кому масть выпадет...), но обусловлен островному положению Британии и удаленности о Старого Света Америки, США. – Отсюда и атлантическая цивилизация ≡ «золотой миллиард» вкупе с Западной Европой. То есть, с одной стороны, выбор Истории не случаен; с другой – ведь в эпоху великого переселения народов могли попасть не обязательно кельтские племена уэльшей, скоттов, предков ирландцев? А в средние века дополнить их могли не германские саксы, а, допустим, латинизированные франки и вестготы?

Вывод: главенство в «золотом миллиарде» атлантической англоязычной цивилизации есть в большей степени историческое влияние геополитического и экономического факторов, а в меньшей – этнического, национального.

Хотя именно сочетание этих факторов создало атлантическую цивилизацию с перерождением в «золотой миллиард».

Точно также можно ответить, объясняя нашу посылку: *руссофобия – это не антитеза русскости*. Континентальное, евразийское положение России (к середине XIX века) (1/6 + Польша, Финляндия, Аляска) часть земной суши!) в ее тесном географическом, геополитическом, отчасти экономическом соседстве с Европой, традиционная общинность, внутреннее неприятие либерализма и демократии европейского образца, а главное – опережающий (пробный) ход социальной эволюции в форме создания строя советского социализма и организации ею мировой социалистической системы – все это в совокупности и сделало Россию в ее исторической преемственности идеологическим, этическим и пр. форпостом противостоящего «золотому миллиарду» мира: явно, как во времена СССР; неявно-подспудно, как в исторические времена; особая ситуация суть нынешняя, в эпоху решительного натиска глобализма, но – об этом ниже отдельно скажем.

Вывод: руссофобия в ее «взглядах с различных сторон» в меньшей степени обусловлена неким «особым путем» России, спецификой «загадочного русского характера» и пр. стереотипы, но в большей сочетанием геополитических, сугубо географических, отчасти экономических факторов, поставивших «игрой Истории» Россию, опять же историческую, форпостом натиску «золотого миллиарда». То есть, не особенности «своего пути», но скорее: не все идут по команде социальной эволюции в ногу. Итак, руссофобия – это эвфемизм, замещающий многофакторный анализ истинного *status quo*.

А если бы русское племя не вытеснило (и не ассимилировало) мордву с ее исторической территорией – Восточно-европейской равнины, а Россия возникла бы на этнической базе этой угро-финской ветви? Благо, что и название столицы изменять бы не пришлось: Москва – болото на мокшанском языке (мордва разделена на два племени: мокша и эрзя). Что бы изменилось в мировой геополитике? Да и адмирал Федор Федорович Ушаков вроде как мордвинец был... Громил бы так же турецкий флот!

Итак, дадим определение русского и русскости.

♦ *Русский и русскость* никак нельзя однозначно ассоциировать с понятиями *национальности* и чем-то выраженной *этносоциальности*. Как уже указывалось выше, эвфемизм русскости близок по смыслу леонтьевской неславянской славянскости. Но сначала определимся с «национальным вопросом». В цитате <а> читаем: «сама Россия давно уже не чисто славянская держава». Но это в отношении многонациональности; вспомним недавние привычные определения: сто народов, сто языков, объединенных исторически, государственно, этнокультурно; скреплены русским языком, как средством межнационального общения и так далее... что дает право и основание считать советский народ новой формой единой общности – нации. Правда, в «оригинале» использовалась идеологически выверенная лексика, но по сути – вернейшее определение сложившегося русского этноса, широко понимаемого. Именно поэтому современный западный империализм-глобализм активно разрушает главную связку русского этноса – русский язык; но об этом опять же ниже и отдельно будет сказано.

Что же касается собственно русской национальности, то это момент скорее риторический, в лучшем случае – исторический, актуальный в отнесении ко времени становления Великороссии, то есть формирования Московской Руси в XIII–XVI вв., ибо чисто национальный источник здесь не является определяющим; да не прогневаются славянофилы и демонстративные русские патриоты! Сам автор этого очерка условно чистокровный русак; как говорится, «анкета чиста» более чем в семи поколениях вспять. Мать из потомственных архангельских поморов рода онежских Третьяковых, а туда даже вездесущие татары с начальниками-монголами не заходили... Отец же из калужских староверов-поповцев (Белокриницкого толка; см. у Мельникова-Печерского в «Очерках поповщины»), а это наиболее сохранившийся русский этнотип: жену брать из соседней деревни и только «веры древнего благочестия»...

Таковая «чистокровность» и позволяет, не почесывая в сомнении затылок, давать объективную ретроспекцию в анализе русской национальности.

... Вроде как маркизу де Кюстину, попутешествовавшему по России и написавшему злобно-русофобскую книгу о ней, принадлежат слова: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» – «Поскребите русского, и вы увидите татарина» (фр.). Но такое отождествление не выдерживает никакой критики и антиисторично. ... Сейчас в этнографии пик моды на выявление этногенов, так называемых *гаплогрупп*. Согласно подобным исследованиям (верить им? – дело на любителя...), современное русское население России характеризуется сочетанием гаплогрупп *R1a1* (48%) и *I* (22%), то есть общей исходной индоевропейской и славянской – частной. Оставшиеся проценты (30%) могут быть с определенной уверенностью отнесены к вариациям *N*-гаплогруппы, то есть монголоидной.

Так вот они *наши* татары! – воскликнет любознательный неофит, но тут же и поостынет, узнав: в *N*-группу входят и финно-угорские народы (от 58 до 77 % *N*-признаков). А у татар тоже далеко не 100% монголоидных признаков, равно как и у всех тюркско-алтайских народов.

Так от кого русские переняли эти 30% *N*-признаков? – от ордынских набегов XII–XV веков, либо же от финно-угорцев (с акцентом на первом слове, ибо угорская ветвь, то есть коми-пермяки, ханты, манси и ушедшие в Европу мадьяры-венгры далековаты...), от той же мордвы, на территории которой и возникла Московская Русь? Кто дает ответ... А он очевиден безо всяких изысканий в пыльных архивах.

Этнос, то есть народ, племя, род и пр., приобретает устойчивые этногены другого этноса иной гаплогруппы *только* при длительном более трех-четырёх поколений, как минимум, то есть в результате одного из видов ассимиляции: привносимой, отдаваемой, равнозначной (полагаем, термины понятны). Но у русского населения XII–XV веков той части Среднерусской равнины, которая считалась территорией Улуса Джугиева, на которую распространялась ордынская юрисдикция: налоговая (дань) и военно-

политическая, как, например, участие в войнах Александра Невского с Тевтонским орденом и шведами союзной монголо-татарской конницы. То есть фактора совместного проживания не было, что *исключает ассимиляцию*.

Локальные же факторы крайне ограниченной привносимой (см. выше) ассимиляции никакой роли не играют. Приведем пару примеров для очевидности такого утверждения.

(1) Когда известный советский антрополог М.М. Герасимов, используя свой метод реконструкции мягких частей лица по черепу (в современных компьютерных программах это занимает секунды времени), воссоздал облик Ивана Грозного, то в нем увидели явно проступающие монголоидные, тюркские черты. И это не удивительно: не народ, но высшие сословия Московской Руси взаимоассимилировались с таким же ордынским сословием. Во-первых, это династические браки внутри единого государственного устройства Золотой Орды, в которую на правах автономии входил <русский> Улус Джугиев; во-вторых и в главных, начиная со второй половины XIV века и захирения Орды, а также хитромудрой политики московских государей, дальновидные по-азиатски татарские знатные люди все активнее стали переходить под руку московских великих князей. Согласно своим ордынским званиям, они на Москве получали равнозначные боярские. Опять же Москва охотно раздавала им земельные владения – в основном за счет извечно недружелюбной Рязани...

Чего далеко ходить в мыслях? – возьмите любую книгу в части русской истории, а впрочем достаточно и романа из классики XIX века, приглядитесь к фамилиям родовитых дворянских персонажей: если не половина, то уж треть точно имеет ордынские корни... Юсуповы, Ардашевы, Курбские, Карамзины и пр. Даже два царя на Руси были чисто татарского происхождения: настоящий – Борис Годунов, и ВРИО Ивана Грозного – царевич Симеон Бекбулатович. Но – и опять же! – такая локальная ассимиляция «погоды» не делала.

(2) ... Когда в конце 60-х годов наша семья переехала из Заполярья в Тулу, то славный этот город еще в полной мере сохранял тот же вид, что в предшествующих веках: за исключением каменных домов постройки XVIII–XX вв. вдоль главного проспекта Ленина и главной же улицы Заречья - Октябрьской, весь остальной полумиллионный город по утрам торопился на многочисленные оборонные предприятия, пристукнув калиткой своих деревянных домишек – тех же лет постройки.... Проходя же в вечерней темноте по улицам такого доисторического города, почему-то постоянно держишь в голове слова персонажа из «Грабежа» Н.С. Лескова: *«Егда люди потрапезуют и, помоляся, уснут, в тот час восстают татие и исхода грабят»*.

Столь лирическое вступление к тому, что в то время обитатели города поколениями проживали в исторически сложившихся слободах: то же Заречье, Оружейная слобода, Лентяевка, Чулково, Площадка, Попово болото с его литературно-знаменитой «Растеряевой улицей»... То есть в жителях этих основных районов (не в административном толковании) города сохраняли *in situ* сложившийся генофенотип. Опять же полудеревенские нравы и обычаи этих исторических анклавов и брачные отношения локализовали: живут на соседних улицах, работают на *своем* близлежащем заводе; опять же особо не приударишь за девками *чужой* слободы: опять же исторически сложившиеся «стенки на стенку». И хотя герои-космонавты уже полдесяток лет стартуют с Байконура, но вот такую архаику застал в славном городе Туле, которую еще полностью не перестроил и не выхлопотал ей звание Города-героя благодетель города – первый секретарь обкома Иван Харитонович Юнак...

А теперь резюме к сказанному. С самого начала проживания в деревянной Туле отметил: если идешь по историческому району (см. выше их названия), то все встречные девушки удивительно красивы... как-то с восточным «оттенком», а пожилые женщины и вовсе словно нездешних мест. Короче говоря, все они похожи на татарок. Причем не казанских и касимовских (у тех красавиц зовут *алтын-чач*, то есть *золотая коса*), но темноволосых и

смуглых крымских. Далее и пояснять нечего: почти три века крымчаки набегали на Москву, а Тула на их пути являлась «аэродромом подскока», выражаясь военно-летным языком, где они от пары месяцев до полугода обитались, готовя налет на столицу. Отсюда и повторяющаяся в течении веков *привносимая* (см. выше) ассимиляция. Нравы были простые: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь»*.

... Но как только зайдешь в относительно новые (впрочем, тоже почти все деревянные) районы города, как-то: Криволучье, Серебровку, Лихвинку, Новую Тулу, Глушанки (сюда в 40-е годы переселяли жителей Западной Украины; как и в других городах Центральной России), – то уже не увидишь потомков по крови крымских татар.

Таким образом, факты имевших место быть в русской истории локальных привносимых ассимиляцией вида (1) и (2) исключают татарское происхождение *N*-признаков в сумме гаплогрупп ($R1a1 + I + N$), характеризующих русский этнос. Остается один, уже и не требующий особого обсуждения ответ: *N*-признаки в русский этнос привнесены в результате равнозначной (см. выше) ассимиляции восточных славян, вошедших впоследствии в Московскую Русь (вятичи, радимичи, отчасти дреговичи и древляне, кривичи, словене ильменские, весь и меря) и финно-угорских племен: еми, чуди заволочской, черемисов (мари), мордвы, что составляют сейчас народности, населяющие северо-восток и восток (по Волге) европейской части России. Здесь особый вклад принадлежит, как было указано, мордве – мокше. Здесь и «высокоученых» доказательств не следует искать; раскройте географический атлас на Европейской России и далее листайте по областям, отмечая характерные названия городов, поселков, деревень. В той же Тульской области найдете: Мордвесы, Мордвиново, Мордовцево и пр. То же самое по соседним областям, например, достаточно заметный город Моршанск – от мордовского «морша». О названии Москвы сказано выше.

* Хор (марш) солдат из оперы Шарля Гуно «Фауст»; сочинители советских маршей в 1920-е годы тоже были людьми простыми: именно этот хор они и взяли музыкальной основой гимна советской пионерии; понятно, заменив текстку: «Взвейтесь кострами, синие ночи. Мы, пионеры, дети рабочих...».

Резюме: отыскивать именно в национальной специфике (пресловутая «загадочная русская душа») русского этноса источник западной русофобии есть дело неблагодарное и почти что несерьезное, поскольку сочетание гаплогрупп (см. выше) в представителях условно обозначаемой национальности «русский» является обычным для всех европейских ветвей индоевропейской этногруппы.

... Не там ищите, господа-товарищи, не там! С тем же успехом можно говорить о «загадочной фламандской душе».

◆ Несколько ближе к источнику-побудителю западной русофобии качество *русскости*. Здесь тоже можно долго растекаться мыслью по древу, пока не закончится десть писчей бумаги. Однако исчерпывающее, хотя и неявное, определение русскости дал в XIX веке граф Уваров (помните проклятие ему в советских школьных учебниках?): *самодержавие, православие, народность*. *In summa* это и дает русскость, понимаемую как качество самоидентификации русского человека – причем обязательно в своем социуме! Православие в этой триаде, само собой разумеется, понимается не сугубо в смысле воцерковленности или начетничества, о чем язвительно пишет Н.С. Лесков в «Однодуме»: *«На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»*.

Как всегда, «и ныне и присно...» истинное содержание православия, имманентного определению русскости, объяснил Ф.М. Достоевский в «Идиоте» словами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заклю-*

* То есть прочитал весь Ветхий Завет и подошел к Новому Завету (в порядке их следования в Библии).

чение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу» (выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.).

... По летописной легенде князь Владимир, выбирая на замену язычеству одну из существующих монотеистических религий, отвергнув, как неприемлемые для русского человека и государственности Киевской Руси католичество, иудаизм и ислам (обоснование см. в летописях о крещении Руси), был поражен и восхищен – со слов греческих священников – великолепием и благостью, величием и основательностью церковного устройства Византии. При этом немаловажным являлось и точное следование православия – восточного христианства духу учения Христа, его евангельской морали и этическим канонам: заповедям блаженств Нового Завета (Нагорной проповеди).

Действительно, диковатому еще лесо-степному народу восточно-славянских племен (см. выше), только-только насильно, «мечом и огнем», как сохранилось в древних народных преданиях, отлученному от язычества с его сонмом почти что «домашних» богов под водительством Перуна-защитника, по детски – наивной душе неопита пришлось великолепие строящихся храмов с основательной претензией на византийский стиль. А когда первых греческих священников в них заменили хорошо говорящими по-русски, то эти души и вовсе затрепетали, преисполняясь восторгом открываемой – каждым для себя – истины первоизданного в православии Христова учения: высшего этического и морально-нравственного учения, когда-либо заповеданного человечеству. Причем учения совершенно отдаленного от религиозной нетерпимости, в котором все другие религии уважительно именуется *инославными* – тоже славными, но – иными.

Такое содержание и сущность русского православия и позволили, в основном без «меча и огня», создать государство «ста языков» – некоторую укрупненную нацию, которая и подразумевается в уваровской *народности*, а в советское время – новая советская общность. См. <а> и <б> в определении Константина Леонтьева. Добавим из Ф.М. Достоевского: «Одна Россия живет не для себя, а для мысли». И здесь же в «Подростке» Федор Михайлович

отвергает <западную> логику мышления, негодную для определения русскости, как симбиоза православия и народности: «Тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска».

А самодержавие, как замыкающее триаду определение русскости, также следует понимать не в смысле тирании, сугубого единовластия, пресловутого деспотизма, тоталитаризма – конька в терминологии нынешнего евролиберализма (точнее – *либерастии головного мозга*, как кто-то недавно метко определил это *status quo...*).

Сразу отметим, что все известные в истории попытки Запада объяснить сущность русского самодержавия под саркастические строки Н.С. Лескова: «... Он сам почти миф, а история его легенда. Чтобы повествовать о нем – надо быть французом, потому что одним людям этой нации удастся объяснить другим то, чего они сами не понимают» («Несмертельный Голован»). Упомянутый выше французский (по Н.С. Лескову...) маркиз с его русофобским трактатом далеко не первым «пробовал объяснить» существо русского самодержавия. Еще в XVI веке, когда Иван Грозный только вводил в обиход слово *самодержеи*, австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн высказал свои впечатления о пребывании в России в книге «Записки о Москве» (вроде бы так она называется?), которую принято считать первым письменным источником западной русофобии.

♦ Как и все другие фобии, отрицательное отношение Запада к русскому самодержавию имеет два корня: бытовой и – условно так назовем – авторитарный. Проще всего объяснить на примере взаимных национальных фобий, далее разветвляющихся в сторону ксенофобии и шовинизма. На бытовом уровне – кухонные пересуды и соседские перепалки – такие фобии суть обычное дело. Даже пояснять не требуется. Но вот высказывание в той или иной степени авторитетных персон – это уже прямой путь к межнациональной розни. Примеров в истории тьма, но почему-то принято относить это на счет философствующих писателей. Потому наверное, что люди-то в общем безобидные – см. выше окончание цитаты из «Однодума» Н.С. Лескова.

Допустим, сказал человек сложной национальности* Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели», - так не бросятся же сицилийские мафиози тех лет «на разборку» к оскорбителю? – Благо он недалеко по должности французского консула в итальянских (тогда разрозненных) землях... Но вот кто все нации обидел и оболгал, так это Фридрих Ницше; о французах: «В других частях света есть обезьяны, а в Европе французы». Всем от него досталось – от англичан до русских и поляков, но более всего своим соплеменникам, немцам. Так Ницше и бить-то грех великий: больной человек, клинический шизофреник... Но в наше время полной утраты моральных норм самое милое дело для акцентации глобалистских фобий и больных детей выставлять – та же Грета Тумберг... Однако возвратимся к русскому самодержавию.

Непонимание влечет за собой отрицание – это одно из формул римского права. И Запад как раз не понимает, точнее, не хочет понять сущность русского самодержавия, то есть условного единовластия, исторически имманентного организации власти в России – как бы эта власть и сама Россия в текущие моменты ее истории не именовались. Этот Запад вдолбил в головы всех и всея (авторитарные + бытовые корни) разделение всех властей на два вида, данное Николо Макиавелли в его «Государе» на примере абсолютной власти турецкого султана и власти французского короля, опирающейся на высшую аристократию с ее средневековым определением короля как первого среди равных и девизом: вассал моего вассала не мой вассал. Как ни покажется странным, но следование таким утверждениям и породило нынешнюю европейскую (вообще западную) демократию – либерализм; она же скоренько сворачиваемая в фашизм-нацизм, как в 30–40-е года прошлого века и, пожалуй, сейчас повторяется...

Но вот на Руси эту всеобщую средневековую иерархию власти позволила *напрочь изъять* из обихода все та же Золотая Орда: одновременно приме-

* Стендаль родом из Эльзас-Лотарингии, население которой веками взаимоассимилировалось немцами и французами; начиная с XVIII века, после каждой войны немцев с французами эта провинция переходила к победителю. Сейчас у Франции.

ром единоличной ханской власти и захватом Руси с последующим трехвековым владением его, как следствие именно «феодальной демократии» в крайней форме княжеской раздробленности... Потому уже первые правители Московской Руси начали ограничивать, с одной стороны, *лествичное* право наследования (передача высшей власти братьям по нисходящему старшинству), с другой – боярское местничество. В короткий срок, «между двумя Иванами Васильевичами», то есть Иваном III и Иваном Грозным, то и другое было ликвидировано законодательно и «усмирительно».

Великая смута начала XVII века лишней раз утвердило власть и народ в мысли, что только самодержавие, опирающееся на народность и православие, является наиболее приемлемым устройением русского государства.

В новой династии Романовых царь Алексей Михайлович своей концепцией Третьего Рима (а Четвертому не бывать...) укрепил русское самодержавие православием, его морально-этическими канонами, преодолев раскол, минимизировав его последствия. А его сын Петр Первый, окончательно – даже декларативно-показательно! – ликвидировал остатки феодального местничества, «сделал ставку» на народ, то есть укрепил связку самодержавие – народ. Опять-таки как бы странно это не звучало... В той или иной степени триединость русскости непременно присутствовала в государственном устройстве России XVIII–XIX веков, а в иной форме, скорее просто внешней, достигла апогея в XX веке в Советской России. Далее следует глобализация, к которой обратимся ниже.

Сущность же западного непонимания и потому неприятия русского самодержавия в том состоит, что им, западникам, никогда не был ведом общинный строй русского народа и государства, и относительная историческая молодость России (тысячелетие против ~ 2500 лет западной истории цивилизации и культуры) еще доселе позволяет русскому народу *in summa* сохранять морально-этические первохристианские нормы. Общинность же, скрепляемая этикой православия, требует государственного устройства с прямым, «недемократическим» по западным меркам, управлением, единоначалие

(внешнее) которого есть обратная связь, отражение мироощущения народа. Да и сама этимология слова «самодержавие» вовсе не есть «государство это я» европейских монархий (Людовик IV; см. выше), но утверждение, что держава Россия есть самостность в единении народа-общины и власти государства. Таково принципиальное различие и... очередной повод возникновения западной русофобии: им это не дано понять генофенотипически, а значит возникает подспудно чувство опасения, отсюда и враждебность. Идем далее...

◆ *Россия как «догоняющая» Европу: причины, негативные и позитивные моменты.* «... Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет» – распевали в парижском ресторане «Карнилов» белогвардейские офицеры первой волны эмиграции. Хоть крохотный, сапожный, но все же гвоздик в здание русофобии: на Западе отчеств нет, что символично – уже во втором поколении корней своих не поминают, а в России за одно только право «по отчеству» именоваться купцы кредитовали Петра Первого на войну со Швецией. И таких гвоздиков, гвоздей и скрепляющих углы стальных скоб множество использовано Западом в строительстве Храма русофобии: отличное от них → не понимаемое → враждебное. И здание это все прирастает этажами усилиями объединяющей Запад подспудной, но все более явной идеи: от *Comite permanent universeb* – Союзного совета, или всемирной управы (лат.) средневековых франкмасонов до нынешнего глобализма, проявившегося Тайного мирового правительства на высшей стадии империализма (это как у В.И. Ленина – высшей стадии капитализма) – финансово-олигархического то есть, капиталократии.

В дополнение к сказанному выше обсудим такую мощную, собственно *фундаментальную* деталь здания русофобии, как различие культурно-цивилизационного времени формирования Европы и России. Оптимисты называют это молодостью нашего Отечества; скептики, они же либералы-демократы, поименуют «вечным отставанием России». Объективисты, к числу которых мы относимся, выразятся более строго: Россия как «догоняющая»

Европу. Здесь для нас нет ничего обидного – не зря же определяющее слово взято в кавычках.

Федор Михайлович Достоевский не был ни скептиком, ни <социальным> пессимистом, но сугубым объективистом, правда, воспринимающим настоящее ему и будущее в подлинной реалистичности... что человеку в его неизбывном ожидании хотя бы условного «для земного» (*«Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой»* – Горький «На дне») крайне неприятно; неуютно ему, зябко и тревожно. Вот и черт говорит Ивану Карамазову в его горячем бреде, правильно говорит: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений – один только вред!»*

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), конечно, не черт, а яростный движитель всемирной социалистической революции (по Карлу Марксу). Еще он выдающийся публицист, говорит схожее («Литература и революция», 1924): *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить по сокращенному европейскому учебнику».*

То есть и Троцкий явный объективист, но как пламенный оратор для масс, выражает ту же мысль менее огорчительно для ушей жаждущих «сна золотого»... А итогом можно считать философский афоризм Освальда Шпенглера (из «Заката Европы»): *«Быть для чужих историй, а не претерпевать чужую историю...»*

Итак, объективно рассуждая, «добру и злу внимая равнодушно, в сопоставлении с Европой, Россия молода. За ней нет в цивилизационном плане культуры, искусства во всех ипостасях ее Муз, науки, образования и пр. и пр. античности, первохристианских веков, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения, феодально-буржуазного преломления с его культурным и научным взлетом, Великих творческих эпох (по Ромену Роллану). То есть не пресловутое школьно-оправдательное, что-де ордынцы нас на триста лет затормозили; тем более именно в XIII–XV веках закладываются основы Мос-

ковской Руси со всеми атрибутами новой цивилизации и культуры, а русский Север, Новгород со Псковым, восточная часть Великого княжества Литовского – будущие составные части Руси – России – и вовсе в Золотую Орду не входили... Но именно исторически-временное отставание на полторы тысячи лет от европейской цивилизации поставили нас в положение вечно «догоняющей»: во всем, исключая воспринятую русскими первохристианскую мораль и нравственность (см. выше).

Ученики оказались достойными своих учителей, чему много характерных примеров. Возникшая почти на пустом – по сравнению с европейской – месте с его салонно-любительскими «упражнениями в изящной словесности» русская литература XIX века в краткий исторический период стала вровень с ней, в чем-то явно и превзойдя. Советская литература, как преемница и продолжательница русской традиции, также достойно держала себя, позиционируя Западу.

Все то же самое можно небезосновательно отнести на счет русской XIX века и советской науки, техники, философии, пластических и иных искусств. Опять же в советское время неизменной осталась первохристианская этика и мораль – в иных терминах переписанные в «Моральный кодекс строителя коммунизма» Христовы заповеди...

Но все же уложиться в два века по сравнению с двадцатью пятью европейской цивилизации и культуры – это и есть хотя бы похвальное и достойное уважение, но все же использование «сокращенного европейского учебника». Законы социальной эволюции столь подспудны и фундаментальны, что фанатизм натиска и рукотворный волюнтаризм (это как в 1964 году снятого с поста Н.С. Хрущева поименовали; правда, добавив еще малопонятный термин пробобелист...), даже для благих целей и намерений, не в силах преодолеть таковые.

Итак, «догоняющая» Европу Россия (Америка – это доминион Европы, хотя бы и превзошедший свою метрополию) – есть фактор объективно-социальный, эволюционный, в целом для нас необходимый. Перечитайте «От-

цов и детей» классика... Причины такого «догонянья» ясны, а вот следствием имеем как негатив, так и позитив; первый – со стороны Европы, глядящей на нас; второй – позитив именно для нас... если либерально не отдавать честь по артикулу с равнением на Запад. О чем говорит Евгений Павлович в «Идиоте» Ф.М. Достоевского: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».*

... Это к слову, но существенно по нашей теме.

<α> Негативный эффект – с позиции западников – от «догона» Европы, как существенный вклад в европейскую русофобию, – это, во-первых, некое чванство, почти презрение (*Untermensch* – от Ницше до Гитлера); во-вторых, такая составляющая любой фобии, как страх и опасение. Это сугубо биологической природы инстинкт. Как, например, могучий тигр трусовато убегает от беззащитного человека, обнаружив его у себя за (за спиной – не скажешь) хвостом. У человека же инстинкт + знание дают интуицию, которая суть составляющая фобии; в данном случае – русофобии.

<β> Позитивный эффект (нет худа без добра) состоит в презумпции молодости перед породившей ее зрелостью, переходящей в почтенную старость. Такое биологическое обоснование справедливо и для социальной эволюции. Другое дело, дано ли на нынешнем этапе этой эволюции, замыкающей на глобализацию, это право презумпции? Ниже этим и завершим наш очерк.

◆ *Русофобия как инструмент глобализации.* Мы анализируем не собственно русофобию в действии, но ее истоки. Поэтому, полагая ее одним из рабочих инструментов современной глобализации, опять же акцент ставим «на

призвании варягов на Русь», то есть на подготовке категории русофобии в недрах развивающегося и крепчающего глобализма. Как-то так, не совсем гладко выразимся.

... Минуло всего-то (по историческим меркам «всего-то»!) полвека с небольшим, как ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) в 1969 году изъяло из Международной классификации болезней (МКБ) пункт, определявший гомосексуализм как психическое заболевание класса шизофрении, а госчиновники от медицины понесли какую-то чушь о перепутанных хромосомах и еще чего-то, что на ум придет. И вот теперь в части торжествующей на Западе половой либерастии-толерастии сбылись слова, тож провидца как и Достоевский, Н.С. Лескова: *«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть (выд. нами. – А.Я.), когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность»* («Соборяне»).

Таковая либеротолерастия (Извиняемся за вводимое в великий и могучий новое слова. С Федора Михайловича пример берем с его «стушевался»...) суть мощный инструмент глобализма не только в части – основное назначение! – «гуманного» сокращения численности народонаселения мира, кстати, западного в том числе (корытников много, а ложек мало...), и расчеловечивание этого же населения, освобождения его от излишних в светлом глобобудущем норм поведения: от чисто биологических до морально-этических. Здесь уже Бальзаку дадим слово: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством»*.

Роль человека в этом «светлом будущем» опять же Достоевским определена, как сургучной печатью припечатана: «Мало того: тотчас же обратится он из человека в органнй штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? Сосчитаем вероятность, – может это случиться или нет?» («Записки из подполья»). И добавляет определение нынешнего *homo globalicum* (человека глобализованного) следующими словами: *«Приняв*

этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на землю, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами. – А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей» («Братья Карамазовы»; обращенные к Христу слова Великого инквизитора о трех его евангельских искушениях: чудом, тайной и авторитетом).

... Напомнив словами классиков литературно-философской мысли существо глобализации, которая уже сейчас нетто что «близ есть при дверях», но уже в дверь человечества уверенно вошла и расставляет «органные штифтики» по их местам и ролям в рабочем механизме глобальной мегамашины всеобщего человеиника (термин А.А. Зиновьева – на смену муравейнику Ф.М. Достоевского), перейдем к определению русофобии – важного рабочего инструмента на нынешнем этапе глобализации – расчеловечивания.

И это будет у нас хотя и не *третье*, как в словах Великого инквизитора, намного большее по числу следования, но *последнее* утверждение в определении истоков западной русофобии.

♦ Как ни крути <головой>, как не морщись и не плюй через левое плечо «чур меня, нечистая, чур», но с позиции диалектического объективизма глобализация есть <очередной> качественный скачок в социальной эволюции. Увы! И на начальном (нынешнем) этапе этого скачка – перехода к глобальному планетарному биотехническому (человек биологический + автоматизированная техническая мегамашина) вновь резко проявляется «отставание» молодой русской цивилизации от Европы, Запада вообще, уже отрекшейся от всех категорий <христианской> морали и вбивающей последние гвозди в крышку гроба с человеком индивидуальным, биологическим, творчески аналогово мыслящим. Сам же он, *homo globalicum europeus* современный, продуцент аморальной либеротолерантности и деградирующей творческое мышление цифрофрени, переводящей его в утилитарное, и есть тот органнй штифтик Ф.М. Достоевского. В плане социальной эволюции человек эпохи

глобализации суть *равный среди равных* винтик – штифтик биотехнической мегамашины, имитирующей на техническом, информационном уровне свершившуюся биоэволюцию. Зачем нужна такая имитация? – на это человеку всеобщая, вселенская эволюция ответа никогда не даст...

А раз мы в очередной раз в истории «отстали» от Европы, еще сохраняем, хотя бы в усеченном виде, «облико мораль» (к месту скажем, хотя бы не до смеха...), а от творческого аналогового мышления не перешли еще полностью к утилитарному цифровому, то у последней срабатывает в очередной же раз условный социальный рефлекс русофобии: раз ты не в ногу с нами идешь, то тем ты подозрителен нам, словом, Карфаген должен быть уничтожен. С каждым таким взрывом русофобии морально-этическая «цена» действий Запада в сторону России, конечно, ослабевает... как бы Карл Маркс сказал, правда, по другому поводу: *«Удешевление этого товара (выд. нами. – А.Я.) уменьшает только затраты рабочего на рубашки»* («Капитал», Т. I, Кн. 1). Эпоха глобализации предельно обостряет социальные коллизии, ту же действенность русофобии. Тот же Троцкий пишет: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар – обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволоки телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами. – А.Я.), точно школьный глобус»* («Литература и революция», 1924).

Нынешняя искусственная сеть суть интернет...

Главное, что следует понять, анализируя истоки западной, европейской русофобии, так это ее сложившийся за века социально-инстинктивный характер, облеченный в одежды геополитики, просто текущей политики и экономических интересов жадного до чужого Запада. Европейца тож. И если до недавних (исторически) времен агрессивность русофобии еще как-то сдерживалась остатками христианской этики и морали, то теперь и эта преграда снесена... И не дано им, тыквоголовым, торжествующими под знаменами цветов радуги, понять моральную первооснову русского человека с его неславянской славянскостью (по К. Леонтьеву) и своим путем в этом меняю-

щемся мире, который: «Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачками в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезами своими к «боженьке!» (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

... *Bonitas problematica!* – ответит на моральный реквием Достоевского несовершенному миру благоразумно мыслящий европеец, – *проблематичная доброта!*